

Опера на конец времен

«Милосердие Тита» на Зальцбургском фестивале

«Милосердие Тита» — предпоследняя опера Моцарта, которую композитор писал практически одновременно с «Волшебной флейтой» и которая так и осталась в тени его финального шедевра. Это странное сочинение, написанное в старинном жанре оперы-серии (то есть серьезной оперы, в отличие от оперы-буфф) на сюжет из древнеримской истории, доверили в Зальцбурге не менее странной команде: молодому и весьма радикальному австрийскому режиссеру Мартину Кушею и мэтру послевоенного аутизма маэстро Николаусу Арнонкуру.

Известия 2003 - 28 авг - с. 10

Екатерина БИРЮКОВА

Кушей — главная лошадка, на которую поставил новый интендант Зальцбурга Петер Ружичка, старающийся ни в чем не уступать своему предшественнику Мортье, который прославился передовыми и даже скандальными театральными вкусами. С 2005 года Кушей вступает в руководство театрально-драматической частью фестиваля. А год назад, также в компании с Арнонкур, он уже выпустил здесь очень необычного «Дон Жуана». Спектакль оставил часть публики в недоумении, но сделал знаменитой мариинскую красавицу Анну Нетребко, которая спела в нем Донну Анну. Теперь весь Зальцбург завешан измученно улыбающимися изображениями хорошенькой звезды (этот год фирма «Deutsche Grammophon» решила провести под знаком мощнейшей рекламной кампании Нетребко). А Кушей, устроив некоторое время назад серьезный скандал в Байройте (где отказался ставить уже запланированного на следующий год «Парсифаля»), опять набрал отличный молодой состав (причем на фоне безусловно звездных Михаэля Шаде в роли Тита и Весселины Казаровой в роли Секста ничуть не слабее выглядит безвестная рижанка Элина Гаранча, исполняющая партию Аннио) и продолжает терроризировать зальцбургскую публику.

Если в «Дон Жуане» декорация представляла собой круглую вертящуюся конструкцию с хлопающими дверями и неприятной атмосферой общественного туалета, то в «Тите» декорация стоит на месте, а сквозь нее, наоборот, непрерывно бегают люди. Но ощущение неприятности и изо всех щелей сквозящей ирреальной пустоты — то же, что и в «Дон Жуане».

Вся сцена представляет собой унылый четырехэтажный блочный долгострой, в центр которого впяно мрачное жилище императора Тита, своей черной мраморной колоннадой напоминающее станцию метро «Автозаводская». Серую блочную размеренность разнообразят кое-где просматривающиеся душ, раковина, телефон, незамазанные розетки, ярко-красные огнетушители. Огнетушители все равно, как вы-

ясняется, ни от чего не спасают, потому что заканчивается первое действие терактом и поджогом (у Моцарта это горит Капитолий), в результате которого на разные этажи здания тяжело выползают задыхающиеся от бутафорского дыма хористы, заражая паникой сидящих в зале зрителей.

Перед началом второго действия пришедшая в себя публика уstraивает очень характерное для здешних мест показательное выступление под названием «Зальцбург и Арнонкур». Дирижер Арнонкур является одной из священных коров Зальцбурга, и как всякую священную корову его модно критиковать. Моцарта он, действительно, уже второй год играет с такой надменной медлительностью и невозмутимостью, что кажется, будто речь идет не о живом спектакле, а об академическом собрании сочинений. Поэтому, дождавшись выхода почтенного маэстро к Венскому филармоническому оркестру, публика делится на две части и исправно орет: одна часть — «бу», другая — «браво». Наоравшись, послушно слушает дальше.

Во втором действии так и не достроенная блочная конструкция окaзывается обгорелым пепелищем. Единственное произрастающее на этой безрадостной территории деревцо стоит без листьев, огнетушители сорваны. Из мира, полного ожиданий и предчувствий, мы попадаем в какой-то конец времен, где все обьято скепсисом и безнадёжностью. В этот момент неплохо вспомнить содержание прилагающегося к спектаклю буклета, состоящего, главным образом, из текстов Сенеки, Платона и современного словенского философа Славоя Жижека с цитатами из Мишеля Фуко, Ника Кейва и Depeche Mode.

Действие, между тем, прекращается вовсе. До пожара герои оперы (их всего шестеро) все-таки чего-то хотели, о чем-то мечтали, кого-то любили и непрерывно занимались сексом (эротические сцены поставлены с большой раскованностью, пикантность им придает то обстоятельство, что две из четырех брючных партий Моцарт написал для низких женских голосов, так что любовно заниматься приходится большей частью женщинам).

HANSJORG MICHEL

В «Милосердии Тита» эротические сцены поставлены с большой раскованностью

После пожара же ни о каком сексе не может быть и речи. Им всем не до того. Их всех колбасит. Если обратиться к довольно-таки запутанному сюжету, то Секст страдает от того, что предал своего друга, императора Тита, императорская невеста Вителлия — от того, что обрела на смерть любящего ее Секста, Тит — от того, что не в состоянии топнуть ногой и всех наказать, потому что даже название оперы указывает на его удивительное милосердие. И так далее. Но Кушей, конечно, рассказывает не про какие-то конкретные беды, а про гораздо более общие вещи — одиночество, непонимание, бессилие. И это умение приоткрыть дверь, за которой таятся бездонные пропасти человеческих страхов, и есть самая мощная сторона его таланта.

В отличие от богатого на эффектные чудеса «Дон Жуана», «Тит» гораздо лаконичнее и сдержаннее. Это тонкая психологическая драма

обреченных людей, и когда взгрустнувшая Вителлия залезает попой в раковину и сидит там, болтая босыми ножками, становится понятно, что ничем хорошим — несмотря на запланированный Моцартом happy end — это не кончится.

Так и есть. В финале Тит накидывает на траурный наряд Вителлии подвенечную фату, а одетый в черные одежды народ выносит столики с белыми скатертями, чтобы отпраздновать императорскую свадьбу. Погорелые декорации становятся похожи на внешний вид московского ресторана «Рис и рыба». Только вместо рыбы на каждый столик кладут по раздетому до пояса безропотному мальчику. Празднующие поворачиваются к зрителям и улыбаются такими же заботливыми улыбками, как Нетребко в рекламной кампании «Deutsche Grammophon». Становится жутко.

Зальцбург